боваться. В сущности борьба еще не завершена, но соотношение сил таково, что в победе Георгия нельзя сомневаться. При этом в отличие от типа парных изображений «святых воинов» эта победа понимается не как нечто предопределенное свыше. Она достигается ценою напряжения всех физических и духовных сил героя и уже во всяком случае не силою молитвы, как в житийных текстах. Борьба дает повод проявиться лучшим нравственным и физическим силам героя, его смелости, бесстрашию, ловкости, его уверенности в своей правоте, и отсюда в образе Георгия столько жизнерадостности и бодрости. Новгородские иконы вроде остроуховского Георгия можно сравнить с воинскими песнями, властно зовущими людей вперед, в поход, к победе.

И какая удивительная смелость мастера в обращении с традиционными иконографическими мотивами! Как неистощима его фантазия! Как богат и целостен созданный им живописный образ!

Красный плащ Георгия — это традиционный атрибут мученика, пролившего свою кровь. Его блистающий белизной конь — это отдаленное подобие апокалиптического «бледного коня».[1] Но красный плащ развевается в иконе, как алое знамя, трепещет, как огненное пламя, — он наглядно выражает «пламенную страсть» героя, и по контрасту к плащу белый конь выглядит как символ его душевной чистоты. Вместе с тем своим силуэтом всадник сливается со знаменем, и оттого фигура его кажется как бы окрыленной. Благодаря слиянию фигуры Георгия с плащом в иконе рождается поэтический троп — уподобление Георгия туго натянутому луку. Уподобление это служит как бы лейтмотивом всей остроуховской иконы. Этот мотив лишь подчеркивается гиперболичным изгибом головы коня, делающим его похожим на народную игрушку. Вместе с тем этот изгиб «звучит в унисон» с фигурой героя, намекая на единодушие седока и его боевого коня, как в сказаниях о былинных героях. Мастера не смущало, что знамя в руке Георгия вьется в обратном направлении, чем его плащ; полотнищу знамени соответствует внизу красный язык змия. Зеленый сегмент с десницей занимает в иконе скромное место; он указывает лишь на высшую санкцию подвига, но оправдан еще и тем, что заполняет пустой уголок поля доски. Сегменту неба отвечает, точнее — ему противостоит, внизу сегмент тьмы, пещера, из которой выполз змий.

Украшенный человеческой маской щит Георгия поставлен так, что похож на солнечный диск. Может быть, этот вплетенный в поэтическую ткань иконы мотив является отголоском солярных представлений о Георгии, сказавшихся и в словах народных стихов: «во лбу красно солнце».[2] Но как и имена славянских богов в «Слове о полку Игореве», этот образ потерял свое первоначальное значение. В новом контексте эта поставленная фасом голова по контрасту к повороту головы Георгия еще сильнее выделяет движение в его фигуре.

Всеми этими уподоблениями, намеками и гиперболами новгородский мастер распоряжался свободно и легко, как это способен делать только большой мастер во всеоружии своих средств выражения. Нужно сравнить остроуховского Георгия с васнецовским (рис. 10, ср. рис. 8), чтобы убедиться в том, что каждый из древнерусских мастеров умел проявить свои силы в меру своей одаренности. В остроуховской иконе образ богаче и глубже, форма выражения ярче и выразительней, ритмы более слаженны, порыв более захватывающий. Икона покоряет своим горячим,

---

[1] Об этом сближении см.: А. Рыстенко, ук. соч., стр. 433.
[2] А. Кирпичников, ук. соч., стр. 167. — А. Рыстенко, ук. соч., стр. 287.